

Шуй Угоу, услышав это, усмехнулся уголком губ:

— Император Цан, Цзяньцзя не хотела, чтобы я помнил её облик, и жестоко забрала мои воспоминания. Вы все твердите, что у неё есть срок возвращения, но когда же он настанет? Я ждал целых сорок тысяч лет, но где она?

Шуй Угоу пристально смотрел на Императора Цана, не в силах вымолвить ни слова, и с беспомощным выражением лица взмолился:

— Император Цан, мне нужен Нефрит Призыва Душ лишь для того, чтобы поскорее найти Цзяньцзя, я не стану творить бесчинств. Столько лет прошло, неужели вы до сих пор считаете меня никчемным демоном?

Император Цан оставался невозмутимым, его лицо по-прежнему выражало нежелание продолжать разговор. Шуй Угоу, терзаемый тревогой, то хмурился, то закрывал и открывал глаза. Видя его нетерпение, Император Цан понял, что если сегодня не даст ответа, Шуй Угоу не отступится. Но Нефрит Призыва Душ он давным-давно выбросил в Лес Десяти Тысяч Обид, как же он мог его отдать?

Тогда Император Цан ответил прямо:

— Угоу, Нефрит давно выброшен мною в Лес Десяти Тысяч Обид. Оставь эту затею, боюсь, демоны уже прибрали его к рукам и используют по своему усмотрению.

Услышав это, Шуй Угоу вскочил, его ресницы задрожали, брови сошлись на переносице, и он срывающимся голосом произнес:

— Это правда?

Император Цан тяжело кивнул, после чего в комнате воцарилась тишина. Когда последний отблеск заходящего солнца коснулся ног Шуй Угоу, его полные отчаяния глаза наконец шевельнулись. Оцепенелое тело выпрямилось, и он, едва повернувшись, деревянной походкой направился к выходу.

— Угоу! — встревоженно окликнул его Яньшань.

Шуй Угоу плотно сжал губы и едва слышно прошептал:

— Всё в порядке, я пойду.

Император Цан удержал Яньшаня, который хотел что-то добавить, и не сводил глаз с убитого горем Шуй Угоу, медленно покидавшего дом. Когда тот скрылся из виду, Император Цан слегка нахмурился и сказал Яньшаню:

— Только у тебя, мальчишка, сердце широкое, как море! Нас сослали сюда именно по его вине. Хочешь Нефрит Призыва Душ — имей смелость отправиться в Лес Десяти Тысяч Обид!

— Отец! Ты хочешь погубить Угоу? То, что произошло десять тысяч лет назад, я сделал по своей воле...

Яньшань знал, что отец до сих пор держит обиду из-за ссылки, но если бы не Шуй Угоу, вряд ли они смогли бы жить такой спокойной жизнью, как сейчас.

— Довольно! Замолчи! Я только вышел из затвора, неужели нельзя дать мне отдохнуть? Не знаю, какие грехи я совершил, раз родил такого непутевого сына!

Император Цан бросил на него гневный взгляд и, заложив руки за спину, удалился в дом. Яньшань смотрел на удаляющуюся спину отца и мог лишь вздыхать. Он не знал, решится ли Шуй Угоу пойти в Лес Десяти Тысяч Обид, но, кроме как чувствовать собственное бессилие, что он мог сделать?

Тем временем Шуй Угоу шел, словно живой мертвец. Он не собирался сдаваться и всю дорогу обдумывал, как можно выбраться из Леса Десяти Тысяч Обид невредимым. Небо уже потемнело. Он поднял взгляд на тусклый небосвод, в его глазах не было жизни, а из ноздрей вырывался холодный пар. Тысячи мыслей хаотично теснились в голове, он не знал, стоит ли идти в этот проклятый лес.

Внезапно он остановился. Глядя в сумрак горизонта, он представил себе картины Леса Десяти Тысяч Обид. Сгустки черной ауры метались там, словно обезумевшие мухи. Тот край был окружен барьером, поэтому демоны могли лишь пожирать друг друга, коротая вечность в бесконечной вражде. Сердце Шуй Угоу отяжелело, словно налилось свинцом. Стоило ему закрыть глаза, как в ушах начинали звенеть крики демонов, готовые разорвать его чистую душу и оставить на ней грязную рану.

— Цзяньцзя... — Шуй Угоу внезапно прикусил губу. В его глазах вспыхнула ненависть, кулаки сжались.

— Угоу! Не смотри на себя так! Ты лишь рожден демоном, но ты не демон!

Слова Юнь Цзяньцзя вновь пронзили его сердце. Его глаза внезапно покраснели. Шуй Угоу глубоко вдохнул и решил — он отправится в Лес Десяти Тысяч Обид!

— Жизнь и смерть во власти небес. Если тебя нет, какой смысл мне жить? — с помрачневшим лицом он оседлал облако и направился в сторону леса.

В то же время в Храме Моцзи Гу Симо сидел перед напольным медным зеркалом и долго смотрел на свое отражение. Если присмотреться к его холодному взгляду, становилось ясно — в лице человека в зеркале не было ни капли света. В этот момент небо прорезала молния, вдалеке загрохотал гром, а тяжелые черные тучи устремились к храму, гонимые неистовым ветром.

Гу Симо не отрывал взгляда от зеркала. Вдруг отражение шевельнулось и злобно усмехнулось:

— Гу Симо, о чем задумался?

Взгляд Гу Симо стал еще тяжелее, в глазах мелькнул убийственный блеск. Он выглядел пугающе холодным, совершенно не похожим на того праведника, каким его привыкли видеть.

— Ха-ха-ха, все еще думаешь о своем младшем брате? Какой же он хлопотный маленький демон!

Отражение вновь насмехалось над ним, в его голосе слышались тоска и коварство. Гу Симо нахмурился, сжав тонкие губы. Отражение, подперев подбородок, разглядывало молчаливого Гу Симо и добавило:

— Спорим, ты положил глаз на Нефрит Призыва Душ!

Когда его мысли были угаданы, уголок рта Гу Симо дернулся, а в глазах прибавилось жестокости. Отражение рассмеялось еще громче.

— Ха-ха-ха! Я угадал!

Этот безумный смех исходил из уст того, кто выглядел в точности как Гу Симо. Ему казалось, что это он сам — та часть его души, которую никто не должен был видеть, — столь порочная и отвратительная!

Отражение, словно прочитав его мысли, оперлось руками о стол и холодно рассмеялось:

— Эй, Гу Симо, хватит притворяться! Я и есть твой ночной кошмар! Разве этот облик не другая сторона твоей души? Что, самому противно смотреть?

— Исчадие ада! Замолчи! — Гу Симо схватил стоящую справа чашку с чаем и швырнул её в зеркало. Оно разлетелось на куски, но теперь кошмаров стало трое!

— Ой-ой, Божественный Владыка Минхао, откуда столько гнева? Такое прекрасное зеркало разбил, как жаль. Если ты так не хочешь меня видеть, просто вырви свое сердце!

Слушая провокации, Гу Симо готов был вспыхнуть от ярости. Вскоре зеркало превратилось в мелкие осколки, усеявшие пол, и пустота, образовавшаяся на месте стекла, словно поглотила тьму, отразившись в глазах Гу Симо.

— Посмотри на себя! Как бы ты ни притворялся благородным и праведным, зло, что живет в твоём сердце и костях, не изменить! Ты — палач, чьи руки по локоть в крови! Ты убиваешь без разбора, попирая законы Небес!

Кошмар тоже пришел в ярость. Он продолжал скалиться через тысячи осколков, раз за разом вскрывая старые раны.

— Гу Симо! Никогда не забывай, что ты собственными руками бросил свою спасительницу в Лес Десяти Тысяч Обид! Ты убил всю её семью! Ей было всего семнадцать! Она была чиста и невинна!

— Кошмар! Замолчи! Замолчи! — Гу Симо впал в неистовство, обрушивая весь свой гнев и самобичевание на тьму в центре разбитого зеркала.

Сердце Гу Симо леденело. Как он мог забыть? Это он... он сам столкнул спасительницу в бездну. Лес Десяти Тысяч Обид создал он сам, чтобы заточать там могущественных демонов.

— Ты с таким пафосом учишь брата следовать добру и справедливости, откуда у тебя наглость? Сам — слепой глупец, а берешься учить других! По мне, так он чище тебя! Сколько в этом мире таких, как ты, что под маской борцов с демонами творят неблагодарные злодеяния!

Слова Кошмара, словно острые мечи, пронзали сердце Гу Симо. Он плотно сжал губы и, с красными глазами, уставился в пол.

Вдруг послышался невинный смех:

— Брат-небожитель, твои раны зажили? Этот десятитысячелетний гриб линчжи мой отец хранил долгие годы! Тебе так повезло, с ним ты обязательно скоро поправишься!

Гу Симо замер и бросил взгляд на осколки. В одном из них появилась девушка в красном, улыбающаяся так искренне, с чистыми, влажными глазами.

— Ло Цзюшуан! — Гу Симо бросился вперед, не заметив, как колени пронзила боль от острых осколков, по которым потекла кровь.

Отражение в зеркале улыбалось, рядом был её отец — хоть и демон, но не скрывающий своей простоты. Счастливая семья из трех человек, ни капли зла. Гу Симо заворуженно смотрел на них, но не успел ничего сказать, как красное платье стало еще ярче, улыбка Ло Цзюшуан начала гаснуть, а на её белом лице проступила кровь!

А её отец, еще недавно улыбавшийся так добродушно, внезапно покрылся ранами, его волосы растрепались, а в отчаянных глазах отразился сияющий величием Гу Симо!

— А-а... отец! — пронзительный крик ворвался в сердце Гу Симо, разрывая его на части. Он широко раскрытыми глазами смотрел, как Ло Цзюшуан в страхе зажимает уши, с ненавистью глядя на него, и с невообразимым ужасом кричит во весь голос:

— А-а... ты! Это ты! Зачем ты так отплатил добром за зло?!

В её отчаянном голосе сквозили упреки и ненависть, ставшие клинками, что разорвали в клочья веру Гу Симо в справедливость! Он лишился дара речи, лишь беззвучно плакал. Мужчина восьми футов ростом, он выглядел жалким, его губы дрожали от горя и стыда.

— Божественный Владыка Минхао, этот демон крайне опасен, лучше заточить его в Лес Десяти Тысяч Обид!

— Просим Божественного Владыку Минхао заточить его в Лес Десяти Тысяч Обид! Во имя справедливости!

Сквозь слезы Гу Симо вновь увидел холодное лицо отца Ло Цзюшуан, его ненавидящий взгляд и саму Ло Цзюшуан, которая, дрожа, вцепилась в подол отцовского халата и не сводила с него глаз. Кровь из коленей Гу Симо растекалась по полу — этот пугающий красный цвет лишь сильнее бередил его душу. Это он сам вонзил Меч Убийства Демонов в тело отца Ло Цзюшуан. Демона, обладавшего великой силой и спасшего ему жизнь, он собственноручно обрек на вечное заточение!

Гу Симо очнулся от воспоминаний. Он поднял голову и посмотрел в окно — наступила глубокая ночь, лишь холодный лунный свет падал на подоконник, отражаясь в осколках и подчеркивая холодный пар, вырывающийся из его ноздрей.

— Ло Цзюшуан... ты в порядке? — сердце Гу Симо пронзила боль. Та слабая девушка, чьи способности были еще невелики, вместе с тяжелораненым отцом попала в Лес Десяти Тысяч Обид. Он не знал, жива ли она до сих пор.

Гу Симо вспомнил, что в том лесу полно могущественных демонов, и испугался, что Ло Цзюшуан давно погибла. Именно поэтому все эти годы он не смел приближаться к Лесу Десяти Тысяч Обид — он боялся вновь увидеть её полные ненависти глаза.

Гу Симо медленно поднялся, не замечая боли в коленях. Его брови так сильно сошлись, что, казалось, вот-вот выпадут.

— В Лесу Десяти Тысяч Обид что-то происходит!

Гу Симо внезапно почувствовал, что в лес кто-то проник! Его ледяной взгляд устремился в ту сторону, и, поднявшись на облако, он стремительно полетел прочь.